

Наталья Козлова

Рец. на: «Помышляя о чаше смертном...»: семейно-правовые акты в документах ратуши Сергиевского посада (последняя четверть XVIII – середина XIX в.). Тексты и комментарии / Сост. Н.А. Четырина. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 791 с., ил.

Nataliya Kozlova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: «Pomyshlyaya o chase smertnom...»: semeyno-pravovyye akty v dokumentah ratushi Sergievskogo posada (poslednyaya chetvert' XVIII – seredina XIX v.). Teksty i kommentarii / Sost. N.A. Chetyrina. Moscow, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X23010157, EDN: PPTAUM

Опыт изучения документов отдельных местных учреждений провинциальных городов России XVIII в. показал эффективность их использования для изучения локальной и персональной истории, истории повседневности, семьи и социальной истории в современном её прочтении¹. Открывающиеся в связи с этим перспективы делают актуальными издание комплексов подобных документов. Значение таких публикаций ещё более возрастает применительно к источникам, чья ценность хорошо известна (особенно в свете применения современных методов исторической антропологии). За последние два десятилетия в научный оборот были введены более 1200 семейно-правовых актов дворян, купцов, священно- и церковнослужителей, канцеляристов, лекарей, аптекарей Москвы XVIII в., их жён и вдов². В 2022 г. издано 95 семейно-правовых записей первой четверти XVIII в., сохранившихся в крепостных книгах Твери³.

Публикация кандидатом исторических наук доцентом МГУ им. М.В. Ломоносова Натальей Аркадьевной Четыриной 402 духовных завещаний, рядных и иных внутрисемейных соглашений, оформленных в последней четверти XVIII – середине XIX в.

жителями Сергиева посада (с 1782 г.), открывает широкие перспективы для сравнительного изучения вопросов семейной тематики и самых разных сторон социальной жизни в целом. Автор-составитель более 40 лет занимается изучением истории этого подмосковного поселения около Троице-Сергиевой лавры. Ею опубликовано свыше 100 работ по истории, управлению, демографии, хозяйственной и повседневной жизни, художественным промыслам Сергиева посада и его жителей в XVIII–XIX вв., в том числе монографии и научные публикации источников⁴. Вполне закономерно, что именно Н.А. Четырина обратилась к выявлению в документах городской ратуши записей семейно-правовых актов за весь период её существования (1782–1866). Можно сказать, что решение этой непростой задачи было по силам только такому знатоку местных архивных фондов ЦГА Москвы⁵. Введение в научный оборот нового крупного комплекса этого исключительно ценного исторического источника является заметным событием в современной научной жизни.

Во вводном разделе книги содержится общая характеристика публикуемых семейно-правовых актов жителей Сергиева посада последней

четверти XVIII — середины XIX в. Там же изложены условия их возникновения, показана процедура оформления и фиксации в различных видах делопроизводственной документации ратуши, представлена информация о численности, структурных особенностях и содержании духовных завещаний, отдельных и иных внутрисемейных соглашений.

В ходе решения разнообразных хозяйственных, бытовых, семейных и личных вопросов составлялись многочисленные документы. Все они, где бы ни писались, дома или в ратуше, проходили процедуру освидетельствования подлинности и регистрации. Это предполагало многократное письменное воспроизведение текста акта в различных книгах: журналах и протоколах, книге записи условий и контрактов или книгах записи духовных и отдельных актов. Данное обстоятельство позволило автору-составителю восполнять отсутствие одного из типов источников за счёт обращения к другим (в частности, утрата книг записи духовных и отдельных актов за 1848 г. компенсирована привлечением протоколов ратуши этого года). Основной массив документов для публикации извлечён из книг записи духовных и отдельных актов (277 документов, среди них 250 духовных завещаний, 26 отдельных актов и одна рядная-сговорная), а также из книг записи условий контрактов (68 документов, в том числе 15 завещаний и 53 рядных). Именно в этих двух видах аналогов маклерских книг сохранились заверенные копии, слово в слово воспроизводящие текст подлинного документа, а также все делопроизводственные пометы, надписи и подписи, сделанные в процессе его освидетельствования. Особенно подробно процедура подтверждения подлинности документа излагалась в явочной записи. В ней же содержались отсылки к ста-

тям Городового положения 1785 г., Свода законов Российской империи (с указанием года издания) и к другим законодательным нормам, определявшим права наследования и распоряжения благоприобретённым имением, порядка написания и утверждения духовных завещаний.

Всего в публикацию вошли 299 духовных завещаний и 103 отдельных, дарственных и иных внутрисемейных соглашений в основном жителей Сергиева посада. Единичные документы относятся к семьям дворян и иностранцев. 10 завещаний написаны семейными парами, братьями с сёстрами, матерью с детьми.

Когда завещание писалось заблаговременно, изменение состава семьи, её имущественного и хозяйственного положения, различные жизненные обстоятельства, а то и просто упущенные ранее важные детали вынуждали вносить в уже зарегистрированный текст изменения, причём неоднократно. Например, мещанин С.Я. Балашов написал три завещания — два в 1850 г. с интервалом в месяц (№ 170, 174) и третье в 1865 г. (№ 296). Текст второго завещания воспроизводил сделанные ранее распоряжения относительно имевшейся у него каменной лавки, передаваемой после смерти сыну при условии ежегодной выдачи дочери-девице пожизненно по 15 руб. в год. В дополнение к первому завещанию Балашов внёс уточнение на случай бездетной смерти сына. При такой ситуации лавка подлежала разделу между тремя дочерьми, одна из которых в момент написания завещания была девицей, а две замужем. И, наконец, третье завещание, составленное спустя 15 лет, касалось наследования деревянного дома с железной крышей, дворовых строений и движимого имущества. Всё это передавалось «2-го брака» жене, а сыну запрещалось вступать в её наследство. Последнее

завещание, продиктованное Балашовым накануне смерти, содержит новые сведения о приходской принадлежности двора, об обстоятельствах его приобретения в 1836 г., размере и стоимости. Представители большого рода Балашовых были активными участниками лавочной и отъезжей торговли, являлись поставщиками продуктов и товаров в Лавру, играли заметную роль в общественной жизни посада. Содержащиеся в духовной подробности относительно имущественного и хозяйственного положения завещателя, состава его семьи и внутрисемейных отношений вносят важные детали в социальный портрет семьи, придавая ему дополнительные краски.

По отдельным фамилиям Четыриной удалось выявить целые комплексы документов (до 13 записей). Как правило, такие семейные документальные комплексы включали разнообразные записи, относящиеся к той или иной фамилии в нескольких поколениях⁶. В их числе известные в среде местных купцов и мещан фамилии Коптелиных, Ерофеевых, Бурдуновых, Шапошниковых, Тарбинских, Мамаевых, Толченых, Лавровых и др. В ряде случаев несколько однотипных документов относились к представителям двух-трёх поколений одной семьи или разных ветвей одного рода, в других — различные по видам документов были составлены одним лицом.

В духовных завещаниях, отдельных записях, «уверительных», уступных письмах и других соглашениях запечатлены различные события внутрисемейной, частной и личной жизни купцов и мещан, священно- и церковнослужителей, чиновников и канцеляристов, крестьян и разночинцев посада в нескольких поколениях. Их комплексное изучение позволяет проследить матримониальные связи, выяснить устойчивость социального статуса и имущественного

положения отдельных лиц и семей, уточнить их генеалогию, понять происхождение передаваемого по наследству имущества и бизнеса, условия его сохранения и роли семейных связей в развитии предпринимательской деятельности. В совокупности они свидетельствуют о развитости в городской среде сферы частноправовых отношений и обычности её использования в повседневных практиках. Складывается впечатление, что буквально любое проявление межличностных отношений, особенно если оно выходило за рамки общепринятой нормы, официально оформлялось, не вызывая возражения ратуши, бесстрастно утверждавшей любой документ, запрет на который не предусматривался законом.

Разнообразие причин их составления отражалось не только в содержании, но и в названиях зарегистрированных документов. Среди них встречаем «условие», «раздельный акт», «верющее / уверительное / поступное / договорное письмо», «обязательство», «любобовное условие», «свидетельство», «подписка» и др. Например, двумя уверительными письмами 1808 и 1812 гг. купец И.А. Коптелин не только подтвердил факт уплаты сыновьями денег по своим векселям, но и оговорил в дальнейшем обязанности детей по содержанию его с женой (№ 328, 339). В 1842 г. мещанин Сергей Ильин и его три сына заключили между собой «условие» об отпуске из дома старшего брата Ивана, «куда ему за благорассудится», обязуясь впредь его «ни к какой повинности не тревожить и ничем совершенно не притеснять». Речь шла об освобождении брата от участия в совместных платежах государственных податей («а платить ему... подати токмо за себя») и «ото всех домашних повинностей» («и на пропитание никому и нисколько с него... не требовать»). Освободиться от до-

машней кабалы Ивану удалось лишь выплатив отцу и братьям наличными деньгами отступную сумму в 142 руб. 85 коп. серебром (№ 364). Это «условие» мало похоже на рядную, какими оформляли выделение сына из отцовского дома. В данном случае старший сын не только ничего не получал, но и сам заплатил, чтобы впредь не нести груз общесемейных платежей. Из текста документа не «читается» возможная его предыстория, что не позволяет оценить данное «условие» как продолжение ранее произведённого раздела.

Ряд документов определял судьбу малолетних детей. В одном случае в 1788 г. удовлетворялось прошение деда об отдаче ему на содержание и воспитание двоих малолетних внуков, оставшихся без пропитания после того, как отец их за казённые и общественные недоимки был взят под стражу и находился под арестом более пяти месяцев (№ 304). В другом эпизоде, напротив, некий сергиевский мещанин сам отдал трёхлетнего сына дмитровскому мещанину для причисления его при новой ревизии к его семье и «воспитания вместо сына» (№ 321). Так же в 1808 г. поступила и мещанская жена Катерина, спустя год после повторного брака отдав свою 9-летнюю дочь, оставшуюся после первого умершего мужа, «в вечное и потомственное содержание... как настоящей матерней долг позволяет» мещанской жене Наталье (№ 329). За этими сухими бюрократическими текстами стоят реальные люди, их судьбы, вписанные в контекст конкретного эпизода социальной жизни с её радостями и горестями, обретениями и потерями.

Произошедшее в последней четверти XVIII — середине XIX в. становление правовой системы России отразилось на эволюции социальных институтов. Создание в 1770—1780-х гг. новых органов городского самоуправления и разработ-

ка правовых основ института опеки по «Учреждению о губерниях», функционирование городского сиротского суда, состоявшего при городском магистрате и занимавшегося опекунскими делами «купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот», обеспечили организацию и контроль за имуществом, содержанием и воспитанием детей, оставшихся без родителей. Это привело к сокращению обязанностей душеприказчиков. И если в первой половине XVIII в. они встречаются в большинстве завещаний, то в публикуемых документах о душеприказчиках говорится редко. Вопросы наследования имущества, опеки над малолетними детьми-сиротами регулировались законом и контролировались соответствующими учреждениями.

Уже в законодательных установлениях петровского времени духовные стали восприниматься как разновидности частноправовых актов. Однако содержание опубликованных документов убеждает в том, что и в XIX в. составители завещаний, как и душеприказчики, по-прежнему видели в последней воле усопшего сакральный смысл, следование которому было их долгом не только в силу обязательств, налагаемых законом. Основные христианские ценности и православные понятия относительно бессмертия души и восприятия смерти, применяемые практики поминальных служб во имя «устроения души» оставались неизменными.

Документы обретают ещё большую значимость в свете разнообразной информации, содержащейся в комментариях. Для их написания автор-составитель не только использовала накопленные в результате многолетних исследований данные, но и провела тщательные изыскания дополнительных сведений об упоминаемых в документах лицах. В фондах ЦГА Москвы были просмотрены

записи условий и контрактов коммерческих сделок, журналы и протоколы ратуши, исповедные ведомости и метрические книги всех церковных приходов посада. Это позволило не только уточнить и расширить сведения биографического характера, в том числе установить даты смерти и возраст конкретных лиц, данные о предпринимательской деятельности, об условиях её осуществления, службе в выборных органах городского управления, о семейных, родственных и приятельских связях и их роли в важных событиях частной жизни, об опеке над детьми, благотворительной деятельности, но и наполнить городское пространство живыми людьми в реальных практиках повседневной жизни. Иные комментарии превратились в тщательно прописанные самостоятельные исследования по истории отдельного купеческого рода.

Фундаментальный характер публикации подтверждают безупречная археография и справочный аппарат (комментарии, хронологический перечень документов, объединённых в три раздела, указатели — именной, географический, учреждений). Украшением издания являются со смыслом подобранные иллюстрации (живописные семейные портреты и фотографии упоминаемых лиц, цветные планы дворовладений, поколенные росписи родов и их схемы, фото надгробий местных куп-

цов и др.) и общий высокий уровень оформления книги.

Примечания

¹ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная ст. и коммент. Н. В. Козловой. М., 2002; Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завешания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н. В. Козловой и А. Ю. Прокофьевой. М., 2015.

³ Духовные завешания, брачные договоры, документы о родственном разделе имущества (частноправовые акты Твери первой четверти XVIII века) / Сост. А. В. Матисон. М., 2022.

⁴ Четырина Н. А. Сергиевский посад в конце XVIII — начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006; Четырина Н. А. Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов из фонда ратуши Сергиевского посада (1795—1863 гг.). М., 2012; Четырина Н. А. «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796—1864 гг.). М., 2015; Четырина Н. А. Сергиевский посад — город с именем Преподобного (конец XVIII — начало XIX в.). М., 2020.

⁵ Удивительно, но нигде в тексте введения не сказано, в каком архиве хранятся документы ратуши Сергиева посада. Не обозначен и номер фонда ратуши. Только из сносок к документам можно понять, что это Центральный государственный архив г. Москвы.

⁶ См., например, записи представителей купеческого рода Ерофеевых за 1803—1862 гг. (№ 27, 62, 63, 79, 109, 190, 224, 277, 320, 335, 397, 398), или купцов Бурдуныных за 1785—1856 гг. (№ 17, 83, 123, 210, 227, 229, 302, 305, 315, 350, 352).